

Долго обсуждая ситуацию, они все еще не могли разобраться в происходящем, и Минда, потеряв терпение, произнесла:

— Бесполезно гадать без конца. Лучше отправимся в уездную управу и сами посмотрим, кто эта лжепринцесса.

Хотя ее слова имели смысл, Тан Чжао, подумав, покачал головой:

— Я считаю, что нам стоит сначала посетить темницу.

Лянь Цзинъяо, беспокоясь, что Ван Инцю может снова отправиться в уездную управу, поспешила к ней домой. Однако на этот раз, в отсутствие посторонних, ей, как и следовало ожидать, не открыли дверь. Размышляя перед запертыми воротами, она, собравшись с духом, решила пойти по старому пути — как в прошлые тайные встречи, она перелезла через стену рядом со спальней Ван Инцю и бросила камешек в ее окно.

Ван Инцю не отреагировала, и Лянь Цзинъяо, набравшись смелости, взяла горсть камешков и стала бросать их один за другим.

Наконец, Ван Инцю, не выдержав, с усталым лицом вышла из комнаты и, подняв голову, увидела сидящую на стене фигуру:

— Зачем ты снова пришла? Я же сказала, что мне не нужна твоя помощь.

Лянь Цзинъяо, опершись на стену, впервые за два года действительно перелезла во двор. Прыгнув вниз, она сделала несколько шагов вперед и, оказавшись перед Ван Инцю, с видимой смелостью, но с внутренним смущением произнесла:

— Я... может, ты хочешь увидеть своего отца?

Ван Инцю, не ожидавшая такого вопроса, замерла:

— Что ты сказала?

Лянь Цзинъяо, не теряя времени, подошла ближе и схватила ее за руку:

— Пойдем, я отведу тебя к нему.

Ван Инцю машинально сделала несколько шагов, но затем остановилась:

— Моего отца заключили в темницу. Как ты собираешься устроить мне встречу с ним?

Лянь Цзинъяо не стала объяснять, лишь сказала:

— Просто иди за мной.

Возможно, из доверия к Лянь Цзинъяо или из-за тлеющей надежды, Ван Инцю все же последовала за ней. Они добрались до уездной темницы, где издалека увидели охраняющих вход тюремщиков.

Ван Инцю, увидев это, нахмурилась и, схватив Лянь Цзинъяо за руку, сказала:

— Не стоит идти. Это серьезное дело, моего отца строго охраняют, и свидания с ним запрещены. Даже эти тюремщики не берут деньги от нашей семьи.

В семье Ван было только двое — отец и дочь. Уездный воевода Ван, овдовев в молодости, не женился снова и не имел других детей. Поэтому с тех пор, как его заключили в тюрьму три дня назад, только Ван Инцю могла заботиться о нем. Она обращалась к старым знакомым семьи и даже к семье своего жениха, но все было напрасно. Единственное, что ей оставалось, — это подкупить тюремщиков, чтобы отцу в тюрьме было хоть немного легче.

Однако даже это не помогло — тюремщики отказывались брать ее деньги. Ван Инцю, хоть и была наивной, понимала, что если даже жадные тюремщики не решаются брать деньги, то положение ее отца действительно тяжелое. Именно поэтому она стояла у ворот уездной управы, не зная, что делать.

Лянь Цзинъяо, однако, не послушала ее, лишь сказала:

— Не торопись, подожди и увидишь.

Ван Инцю не питала надежд, лишь смотрела на их соединенные руки, погруженная в свои мысли.

Лянь Цзинъяо тоже не спешила подходить. Она держала Ван Инцю за руку и, стоя в отдалении, внимательно наблюдала за происходящим. Внезапно она сделала жест рукой. Двое тюремщиков у входа в темницу через некоторое время подошли друг к другу, и один из них получил от другого кусочек серебра, после чего быстро удалился.

У входа остался лишь один тюремщик, который издалека помахал Лянь Цзинъяо, и она, взяв Ван Инцю за руку, подошла к нему.

Тюремщик, увидев их, без лишних слов повернулся и открыл ворота, затем вынул связку ключей и передал ее Лянь Цзинъяо:

— Войдите, двенадцатая камера слева. Поторапливайтесь.

Лянь Цзинъяо взяла ключи и, держа Ван Инцю за руку, вошла внутрь:

— Спасибо.

Тюремщик не последовал за ними, а, закрыв ворота, снова встал на страже, делая вид, что

ничего не произошло.

Темница, место заключения преступников, была мрачной и холодной, особенно в начале зимы. Ван Инцю, едва переступив порог, невольно вздрогнула от холода и инстинктивно прижалась к Лянь Цзиньяо.

Та, почувствовав это, крепче сжала ее руку, но не решилась на большее, тихо объясняя по пути:

— Обычные тюремщики не берут твои деньги, потому что боятся последствий. Но если предложить достаточно, и у них не будет обременений, то даже самые опасные деньги они возьмут.

Ван Инцю кивнула, не обращая внимания на слова, и, следуя за Лянь Цзиньяо, вскоре увидела, как в одной из камер трое или четверо тюремщиков спали, положив головы на стол. Она не остановилась, лишь продолжила идти дальше.

Девять, десять, одиннадцать, двенадцать... Они добрались до нужной камеры.

Ван Инцю, сосчитав до двенадцатой камеры, устремила взгляд внутрь, но из-за темноты могла лишь смутно разглядеть фигуру человека. Лянь Цзиньяо, заметив это, сняла со стены масляную лампу, зажгла ее и осветила камеру.

— Отец! — воскликнула Ван Инцю, ее голос дрожал.

Человек в камере был одет в тонкую тюремную робу, его волосы были растрепаны, и он уже не выглядел так, как она помнила. Но это было не самое страшное — Ван Инцю испугалась, увидев пятна крови на его теле. Он лежал на куче соломы, едва дыша.

Лянь Цзиньяо, убедившись, что это действительно он, быстро открыла дверь ключом. Ван Инцю бросилась внутрь, подняла отца и увидела, что его лицо было бледным, зубы сжаты, и он уже потерял сознание.

— Отец, отец, очнись! — кричала Ван Инцю в панике, но не могла его спасти.

Лянь Цзиньяо тоже подошла, чтобы осмотреть уездного воеводу, но результаты были неутешительными — для них, практикующих боевые искусства, раны на теле были не страшны, но уездный воевода Ван, хоть и отвечал за безопасность уезда, был всего лишь чиновником. Он не выдержал пыток и холода тюрьмы и теперь был на грани смерти.

Однако, услышав голос дочери, он все же открыл глаза. Ван Инцю, увидев это, не могла сдержать слез, но он, посмотрев на нее, перевел взгляд на Лянь Цзиньяо.

Уездный воевода Ван знал Лянь Цзинъю. В прошлом году, узнав, что дочь тайно встречается с кем-то, он провел расследование и даже встречался с ней. Тогда он понял, что она — женщина, но, не желая расстраивать дочь, не сказал об этом, лишь упомянул о ее происхождении. Позже правда все же вышла наружу, и они расстались не лучшим образом. Он жалел дочь и не испытывал симпатии к этой лгунье.

Теперь, увидев ее снова, его чувства были сложными, но у него не было времени на прошлые обиды. Он снова попытался что-то сказать, но не смог, лишь указал рукой на Лянь Цзинъю.

Та, поняв его жест, подошла и встала на одно колено рядом с ним:

— Господин, если у вас есть что сказать, я слушаю.

Уездный воевода Ван не мог говорить, но снова поднял руку, и Лянь Цзинъю подала ему свою ладонь. Он посмотрел на нее, его пальцы дрожали, когда он что-то писал на ее руке. Ван Инцю, вытирая слезы, тоже смотрела на это.

Но прежде чем она успела разглядеть написанное, Лянь Цзинъю резко сжала ладонь и, достав флакон с лекарством, передала его Ван Инцю:

— Инцю, сначала обработай раны отца.

Ван Инцю, немного замешкавшись, взяла лекарство, но, увидев раны на теле отца, не знала, с чего начать.

Тем временем уездный воевода Ван закончил писать и, казалось, его последние силы покидали его. Он глубоко посмотрел на Лянь Цзинъю, затем на дочь и, наконец, с бесконечной грустью передал руку дочери в руки Лянь Цзинъю.

<http://bllate.org/book/15453/1371016>